

месью богомилства. Эта идеология укореняется на Руси, в Москве, материализуется и получает название православия» (л. 52—54).

Итак, можно сделать вывод, что, по мнению Н. К. Никольского, мировоззрение первого русского митрополита и его канонические взгляды несколько отличались от позднейшего русского «православия» с его монашеским аскетизмом, шедшим из афонских, палестинских и сирийских монастырей, с его византийской нетерпимостью ко всем другим христианским церквам. Видимо, это и дало основание Н. К. Никольскому искать параллели (если не сказать источники) творчества Илариона в сочинениях католических писателей. И не только католических: целая группа подготовлявшихся им материалов (к ним, вероятно, относится помета на л. 7: «Армянское вероучение — для Илариона») состоит из выписок «Изложения веры армянской церкви, начертанного Нарсесом католиком-свом» (л. 81—87). Такой «церковный космополитизм» Илариона²⁷ можно связать с теми скудными сведениями о его жизни и деятельности, которые сохранила «Повесть временных лет» и Киево-Печерский патерик.

Постриженник основателя русского монашества — Антония, побывавшего на Афоне, и сам строгий подвижник-аскет, Иларион, сделавшись приближенным Ярослава Мудрого, приобщился к кругу собранных им книжников. Последние занимались переводом и перепиской широкого круга и не только патристических, церковно-канонических, но и исторических книг и при том не исключительно с византийских оригиналов. В числе переведенных книжниками Ярослава книг были несомненно и сочинения мораво-чешского происхождения: об этом свидетельствуют «Повесть временных лет», в которой «из не дошедшего до нас мораво-паннонского источника извлечены сведения о Поляно-Руси и о переложении книг на славянский язык»,²⁸ Житие Бориса и Глеба и некоторые другие старейшие памятники русской литературы, к которым можно теперь с некоторой степенью достоверности присовокупить и сочинения самого Илариона. Таким образом, Илариону стал доступным гораздо более широкий круг чтения, чем он имел бы, оставаясь рядовым монахом Киево-Печерского монастыря. Посвящение Илариона в митрополиты, бывшее несомненно актом антигреческим, автоматически поставило его в оппозицию к византийской церковной иерархии и в какой-то степени и ко всему тому, на чем Константинопольская патриархия основывала свои притязания на монополию церковно-идеологического влияния на Руси. Отсюда уж нетрудно предположить, что даже в своем официальном каноническом документе — в «Исповедании веры», подписанном им собственноручно, Иларион мог руководствоваться не только византийскими каноническими памятниками.

Из этого нельзя, разумеется, делать вывод о «неправославии» Илариона, как это делает современный польский ученый А. Поппэ, считающий, что сменивший Илариона митрополит-грек прежде всего даже освятил Софийский собор, как оскверненный святотатством,²⁹ но то, что он мог в своих сочинениях, даже канонических, пользоваться не только

²⁷ Об этом Н. К. Никольский, возражая Пл. Соколову, пишет так: «Иларион не был представителем учения о греческой церкви как истинной, но был сторонником учения о всемирной церкви» (л. 27).

²⁸ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 7-е, М., 1966, стр. 80. Любопытно отметить, что в этом, последнем, издании своей книги Н. К. Гудзий соглашается еще с одним положением Н. К. Никольского. Подводя итог истории литературы Киевской Руси, он пишет: «Религиозная нетерпимость к иноверному Западу не достигла еще тех размеров, которых она достигла ... позже» (стр. 172).

²⁹ А. Поппэ. Заснування Софії Київської. — Український Історичний журнал, 1965, № 9.